

чувствами», а следовательно, и более содержательными, более тонкими и глубокими, более устойчивыми. Правовые чувства пронизывают правовые взгляды, способствуя их оформлению и развитию, придавая им силу, яркость и выразительность. Как отмечает И. Е. Фарбер, «правовые эмоции — это... не априорные таинственные образования „души“, а вполне осознаваемые общественным сознанием переживания индивида в сфере поведения, регулируемого правом».¹⁹

Известно выражение, что без страсти нет математика. Что же тогда можно сказать о судье, прокуроре, адвокате, следователе, о любом представителе органов, стоящих на страже законности и правопорядка, с одной стороны, и о различных типах правонарушителей и преступников — с другой? Все они, так же как и любой член общества, реализуют в своем поведении не только знания, идеи и теории, но и чувства. Однако в задачи настоящей статьи не входит разбор проблем юридической психологии, или психологии права.

¹⁹ И. Е. Фарбер, ук. соч., стр. 202.

69-5 Проблемы философии и социологии [св.ст.]
221 - ЛГУ, 1968. - 156с.

С. М. ФЛЕГОНТОВА

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ИСКУССТВА

Для изучения закономерностей развития общественной психологии плодотворным является изучение соотношения общественной психологии и искусства. Вопрос о необходимости такого исследования уже ставится в нашей социологической и искусствоведческой литературе.¹ Однако систематически, научно он, к сожалению, еще не разрабатывается.

Задача данной работы — привлечь внимание к некоторым взглядам Плеханова, чья мысль ярко проявила себя в анализе именно этого соотношения. «Чтобы понять историю научной мысли и историю искусств в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой

¹ См.: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Изд. ЛГУ, 1965; В. Е. Гусев. Проблемы фольклора в истории эстетики. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963; В. Н. Сорокина. О некоторых результатах социологического исследования восприятия и оценки киноискусства зрителем. Уч. зап. кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда, вып. VI. Философия, 1965, и др.

Для Плеханова
№ 1481 К

невозможно материалистическое объяснение истории идеологии»,² — такова плехановская установка в материалистическом объяснении закономерностей духовного производства человека. «Идеологии» у Плеханова обычно во множественном числе. В ряд «идеологий» он обычно включал философию, религию, искусство. Между «идеологиями», которые лежат в сфере духовного производства, и «экономией», символизирующей материальное производство, по Плеханову, осуществляется связь через общественную психологию. Определяемая «экономией» общественная психология определяет в свою очередь «идеологии». Поэтому в плехановской «пятичленке» общественная психология занимает ступень, предшествующую «идеологиям».

Плеханов разворачивает целый веер связей, зависимостей, взаимодействий между общественной психологией и идеологиями (например, общественная психология того или иного времени влияет на искусство, выражается в нем; искусство, далее, может оказать влияние на другую «идеологию», например на философию, от которой идут новые мощные волны «влияний», — на искусство, на общественную психологию). Эти связи историчны и специфичны для каждой страны. Специфичны и связи различных «идеологий» с общественной психологией.

Специфику искусства как одной из «идеологий» (в отличие от философии, например) Плеханов усматривал в особенной, тесной, специфической связи искусства с общественной психологией. Общественная психология не только оказывает определяющее влияние на развитие искусства и является непосредственной почвой, на которой оно вырастает. В общественной психологии, по Плеханову, ключ к содержанию и форме произведения искусства, к научному пониманию и объяснению искусства, к определению критерия его художественной ценности.

«Всякое произведение искусства, — доказывал Плеханов, — есть выражение своего времени. Его содержание и его форма определяются вкусами, привычками и стремлениями (общественной психологией. — С. Ф.) этого времени. Главнейшая личная особенность, высшая оригинальность великого человека заключается в том, что он в своей области выразил раньше и лучше, полнее других общественные или духовные нужды и стремления своей эпохи... А такая историческая индивидуальность вполне может быть предметом точного научного анализа».³ Отсюда плехановское отношение к труду писателя как к труду естествоиспытателя, наблюдающего и исследующего, как растут и развиваются человеческие страсти в данной общественной среде. Отсюда поиски Плехановым источников «общечеловеческого» в творчестве Шекспира, источников его непре-

ходящего влияния на последующие поколения в шекспировском «анализе человеческих страстей».

Итак, искусство характеризуется общественной психологией во всех своих параметрах. И именно вследствие этого оно само наиболее точно ее характеризует. Искусство впитывает в себя всю гамму «отражений» — объективных и субъективных, чувственных и мысленных, — которые определяют общественную психологию. Поэтому искусство для Плеханова — это точнейший документ об эпохе. Он скрупулезно анализирует живопись французского художника Давида, ее форму и содержание, чтобы показать «истинную связь событий» в политической жизни Франции XVIII века. Точно так же он обращается к анализу русских песен, древних легенд, чтобы сказать сразу: это психика земледельческого народа, это неопровержимое доказательство того, что предки славян были земледельцами, а не охотниками.

Однако этому диалектическому единству общественной психологии и искусства, к анализу которого Плеханов охотно обращался в статьях, посвященных философии, эстетике, социологии, истории, в нашей литературе уделяется пока очень мало внимания. Одна из причин этого «невнимания» лежит в той традиции, истоки которой уходят в 30-е годы, когда понятие «общественная психология» вообще было изъято из объяснения искусства. Интересно, что едва общественная психология была изъята, вся плехановская эстетическая концепция рассыпалась, стала уязвимой.⁴

Одной из причин такого «изъятия» общественной психологии была борьба с вульгарной социологией В. Фриче, под влиянием которого находилась эстетика 20-х годов. Пропагандируя «научную эстетику» Плеханова, В. Фриче, однако, отождествлял общественную психологию с классовой психологией и соответственно заменял его «пятичленку» следующим четырехступенчатым скелетом «монистической концепции материалистического понимания искусства»: экономика — класс — классовая психология — искусство.

В связи с оживлением интереса к общественной психологии в нашей современной общественной мысли снова становится «различимой» для исследователей эстетики Плеханова общественная психология в его наследстве. Однако в его эстетической системе она остается различимой лишь как средство, предпосылка, как «член связи» между общественными отношениями и искусством, что и сказалось в интересной работе Д. Черкашина.⁵

Более глубокое внимание к общественной психологии в ее от-

² Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв. в 5-ти томах, т. II. М., 1956, стр. 247.

³ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II. М., 1958, стр. 609.

⁴ М. Розенталь, например, несмотря на глубокий анализ «научной эстетики» Плеханова, видит в его концепции массу «неразрешимых противоречий», «явно порочных утверждений», «ошибочных формулировок» (М. Розенталь. Вопросы эстетики Плеханова. М., Гослитиздат, 1939).

⁵ Д. Черкашин. Эстетические взгляды Плеханова. Харьков, 1959.

ношении к искусству у А. Одинцова,⁶ но самой общественную психологию он трактует как обыденное сознание. Так ли понимал общественную психологию Плеханов?

Общественная психология, писал он, это не какая-то непостижимая общественная душа или фатально саморазвивающийся дух; для материалиста речь идет о «преобладающем настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени».⁷ Плеханов не случайно ставил акценты на данном общественном классе данной страны и данного времени, подчеркивая этим, насколько важно при определении психологии класса учитывать и специфику страны и специфику времени. Без учета этих «специфик» искусство, как и любая «идеология», просвеченная через призму схематично понятой «классовой психологии», приобретает в исследовании нереальные абстрактные черты. Вот почему за упрощение общественной психологии осуждал Плеханов и «доморощенного Фриче», и, например, А. Элевтеропулоса, который, исследуя процесс развития идеологий в Древней Греции, «донельзя упростил» его, рассматривая его с точки зрения абстрактно понятой классовой борьбы (Гераклит — представитель аристократии, Ксенофан — пролетариата). Точно так же психологию французских романтиков, предупреждал Плеханов, нельзя рассматривать как психологию буржуа вообще; она станет понятной только в том случае, «если мы взглянем на нее как на психологию определенного класса, находящегося в определенных общественных и исторических условиях».⁸

Интересно в связи с этим рассмотреть оценку взглядов Плеханова современным американским философом-эстетом Томасом Манро, который произведения Плеханова называет примером упрощения марксизма, упрощения истории, сведения всего многообразия духовной жизни к однозначной определенности ее классовой борьбой.⁹ Т. Манро признает очевидность некоторых связей между социальными и художественными тенденциями, хотя и указывает на отсутствие точной корреляции между их изменениями. Более того, он признает «правдоподобность» объяснения Плехановым, например, живописи Буше, обусловленной вкусами аристократии, но не считает это объяснение исчерпывающим. Традиции в живописи и скульптуре, эволюция художественных стилей, роль индивидуальных особенностей творца, утверждает он, не могут быть объяснены всецело в социальных терминах. В объяснении истории искусства необходима комбинация различных точек зрения — и социально-эконо-

мической, и психологической, и биологической, и морфологической и т. д. На путях же марксистского социологического монизма Манро не видит выхода к глубокому и точному, научному исследованию и объяснению искусства.¹⁰

Насколько несостоятельна эта точка зрения Т. Манро, доказывает не только вышеуказанная борьба Плеханова против упрощения истории «идеологий». Кстати, в рецензии на «Историю французской литературы» Г. Лансона Плеханов, можно сказать, сам дал ответ Манро, поскольку отношение Г. Лансона к методу Тэна удивительно совпадает с отношением Манро к Плеханову. Следуя историческому методу Тэна в самом анализе литературы, Лансон не мог в принципе согласиться с тэновским «всепоглощающим» детерминизмом. Есть нечто, писал он, что вносится личностью писателя в произведение, что является неким «личным остатком», который якобы не поддается научному анализу. «Подобные взгляды, — отвечает в рецензии Плеханов, — приходится часто слышать не только в применении к истории литературы, но и в применении к истории вообще или даже ко всей общественной науке. По существу Лансон здесь совсем не оригинален»¹¹ (равно как и Т. Манро). И далее Плеханов, анализируя содержание, форму драматургии Корнеля, показывает, как общественная психология эпохи определила содержание его трагедий (и стала этим содержанием), их форму, определила и сформировала личность самого драматурга, направив его интерес к определенным объектам, к определенным идеям времени, т. е. Плеханов развертывает всю гамму многосторонних связей между общественной психологией и искусством.

Но когда Плеханов переходит к анализу связей между общественной психологией и «экономией», между общественной психологией и «общественными отношениями», чувствуя всю сложность научного материалистического объяснения связи между духовной и материальной сторонами человеческой жизни, он пишет: «До сих пор слишком мало сделано для научного изучения общественной психологии... Систематическая разработка этого предмета является еще делом будущего».¹² Однако он замечает (и это особенно интересно), что уже немало данных для обнаружения связи между общественной психологией и общественными отношениями собрано в области истории религии, литературы, искусства. Поистине широкое поле для исследования открывается социологу в том соотношении между общественной психологией и искусством, которое рассматривает Плеханов.

⁶ А. Одинцов. Некоторые вопросы марксистской эстетики в трудах Плеханова. Киев, 1961.

⁷ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. II, стр. 247.

⁸ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. III, стр. 181.

⁹ T. Munro. Evolution in the Arts and Other Theories of Culture History. Cleveland (Ohio), 1963, p. 104.

¹⁰ Там же, стр. 104.

¹¹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II, стр. 605.

¹² Г. В. Плеханов. Соч., т. XVI. М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 203.